

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

К. В. В а с и л ь е в

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(Критический обзор исследовательской части книги:

Alan Imber. Kuo Yu. An Early Chinese Text and its Relationship with the Tso Chuan.
Vol. I, 2. Stockholm, 1975, 357 с.)

До сих пор такие древнекитайские исторические сочинения, как "Чуньцю"
春秋 ("Весны и осени"), "Цзо чжуань" 左傳 ("Комментарий
Цзо" и "Го юй" 國語 ("Повествования о царствах") изучались по боль-
шей части изолированно друг от друга. Накопленный наукой опыт позволяет
перейти к проведению сравнительных и комплексных исследований, целью ко-
торых должна стать реконструкция важнейших моментов становления всей
чжоуской историографии. Только анализ этих сохранившихся произведений как
единого целого, представляющего памятник некогда обширной исторической ли-
тературы, поможет наконец решить вопрос о характере их содержания и его
историко-культурном значении. В книге Алана Имбера сделаны первые шаги
в этом направлении. Здесь в сравнительно небольшой (с. 1-24, 293-344)
исследовательской части (основу же содержания книги составляет комменти-
рованный перевод тех глав "Го юй", которые посвящены царству Цзинь, -
с. 25-293) в поле зрения автора попали все три важнейших текста чжоус-
кой историографии. Так, Имбер вновь обратился к вопросу о характере содер-
жания книги "Чуньцю", текст которой дошел до нас в виде сборника погод-
ных кратких перечней событий, основанного на хронологии правителей царст-
ва Лу в 722-479 гг. до н.э. В западной синологии О.Франке, синтезировав-
ший воззрения западноханьской школы Гунъян и ее позднейших последовате-
лей определил "Чуньцю" как аналогию зашифрованных политических сужде-
ний Кун-цзы, где каждый элемент погодных статей представлялся открытой
только посвященным формулой одобрения или порицания (5, 16). Традицио-
налистская концепция "Чуньцю" была проанализирована и отвергнута в спе-
циальном исследовании Д.Кеннеди. С помощью статистических наблюдений
ему удалось доказать, что отсутствие тех или иных данных в записи о том
или ином событии не было намеком на его предосудительный характер, как
полагали сторонники ортодоксальных взглядов, а указывало лишь на отсут-
ствие достаточной информации в руках составителей "Чуньцю" (6, 40-48).
Имбер полностью принял выводы Кеннеди. Он несколько расширил его аргу-
ментацию, анализируя 144 сообщения "Чуньцю" о смерти и погребении пра-
вителей Лу и других царств. Неполноту (отсутствие либо точной даты, либо
имени, либо титула, либо места смерти) этих сообщений, в которой раньше
видели признак скрытого осуждения, он, вслед за Кеннеди, объяснил причи-
нами географического или дипломатического характера. Результатом наблю-
дений двух исследователей стало заключение о "маловероятности того, что-

бы в "Чуньцю" содержался какой-нибудь скрытый политический или этический код" (7, 6). Наряду с отрицательным заключением Имбер высказал и позитивный взгляд на этот памятник, охарактеризовав его как "хронику царства Лу, дающую краткую историю наиболее важных событий". Открытость и ясность текста "Чуньцю", который, как правило, прямо сообщает обо всем, заслуживающем одобрения или порицания (примеч. 1), указывает на закономерность стремления современных исследователей отказаться от традиционалистских представлений об его скрытом символизме. Менее удовлетворительным кажется другой вывод. При явном внешнем сходстве с хроникой "Чуньцю" вряд ли была таковой в первоначальных планах ее составителей. Записи, составляющие историческое повествование "Чуньцю", отличаются предельной краткостью, в них нет и намека на причинное объяснение событий. Лапидарность и бессвязность погодных статей памятника современные исследователи связывают обычно с тем, что источниками их являются весьма архаические и несовершенные хроники. Однако знакомство с сохранившимися в составе "Цзо чжуань" фрагментами восточножюуских историографических текстов, созданных, очевидно, одновременно с источниками "Чуньцю", указывает на необоснованность такого рода аргументов. В этих текстах отчетливо чувствуется стремление хронистов перейти от простого упоминания о событии к описанию его, расширить круг записей, характеризующих событие, установить не только хронологическую последовательность, но и прагматическую связь явлений. Все это присуще и текстам, несомненно, заимствованным из летописи царства Лу, поскольку повествование в них ведется от лица луского хрониста. Наиболее раннее заимствование такого рода относится к 712 г. до н.э. Сопоставив его с соответствующей погодной статьей в "Чуньцю", можно представить более конкретно характер расхождений между рассматриваемым памятником и летописными цитатами в "Цзо чжуань".

"Чуньцю"

10 год, весна, второй месяц вана. Правитель встретился с циским хоу и чжэнским бо в Чжунцю. Лето. Хуэй встал во главе войска и, соединившись с людьми из Ци и Чжэн, выступил в поход на Сун. Шестой месяц. Правитель нанес поражение сунской армии в Гуань. В день синь-вэй получили Гао, в день синь-цзи получили Фан. Осень. Сунцы и вэйцы вторглись в Чжэн. Люди из Сун, Цай и Вэй выступили в поход на Дай. Чжэнский бо атаковал и захватил их. Зима, десятый месяц, день жэнь-у. Люди из Ци и Чжэн вторглись в Шэн.

"Цзо чжуань"

Весна, первый месяц. Правитель встретился с циским хоу и чжэнским бо в Чжунцю. В день гуй-чоу заключили соглашение в Дэн, в котором было определено время выступления в поход. Лето, пятый месяц. Юй-фу, посланный раньше /правителя/, объединился с циским хоу и чжэнским бо в /местности/ Лаотао; в день жэнь-моу правитель нанес поражение сунской армии в /местности/ Цзянь; в день гэн-у чжэнские войска вступили в Гао, в день синь-вэй отдали его нам, в день гэн-чэнь чжэнские войска вступили в Фан, в день синь-цзи отдали его нам... Осень, седьмой месяц. В день гэн-инь чжэнская армия вступила в свои пределы и пока она находилась там, сунцы и вэйцы вторглись в Чжэн. Люди из Цай, последовав за ними, напали на Дай. Восьмой месяц. В день

жэнь-суй чжэнский бо окружил Дай, в день гуй-хай ворвался в него, захватил три армии. Когда Сун и Вэй вторглись в Чжэн, то в поход на Дай позвали людей ча Цай, последние рассердились, поэтому не стало среди них согласия и они потерпели поражение. Девятым месяц, день моу-инь. Чжэнский бо вторгся в Сун. Зима. Люди из Ци и Чжэн вторглись в Шэн, чтобы покарать за нарушение приказа вана.

Мы видим, что летописная форма повествования, представленная в тексте, написанном луским хронистом, дает возможность для достаточно подробного и систематизированного изложения событий. На отличие методов фиксации исторических событий, применявшихся в восточножоуской анналистике, от методов, характерных для "Чуньцю", указывает и сравнение записей, относящихся к весне и лету 557 г. до н.э.

"Чуньцю"

16 год /Сян-гуна/, весна, первый месяц вана. Погребение цзиньского Дао-гуна. Третий месяц. /Луский/ гун встретился с цзиньским хоу, сунским гуном, вэйским хоу, чжэнским бо, цзюйским и чжуским цзы, с бо из Се, с бо из Ци, с цзы из Малого Чжу - в Сюляне, а в день моу-инь сановники дали клятву. Цзиньцы задержали правителей из Цзюй и Чжу, возвратив их обратно /в Цзинь/. Циский хоу напал на нашу северную пограничную область.

Лето. /Луский/ гун вернулся со съезда /правителей/. Пятый месяц, день цзы-цзы. Было землетрясение. Шу Лао встретился с чжэнским бо, а цзиньский Сюнь Янь, вэйский Нин Чжи вместе с сунцами напали на Сюй.

"Цзо чжуань"

16 год, весна. Цзиньский Дао-гун был погребен. Пин-гун занял престол..., устроил встречу /правителей других владений/ в Сюляне, приказал им вернуть захваченные друг у друга поля, из-за нас задержал Сюань-гуна из Чжу и Либи-гуна из Цзюй, которых обвиняли в том, что они поддерживают отношения с Ци и Чу. Цзиньский хоу устроил для других правителей пир в Вэнь, велел сановникам танцевать, говоря: "Песнопения, /сопровождаящие танцы/, должны соответствовать случаю". Песнопения циского Гао Хоу были неподходящими. Сюнь Янь разгневался и воскликнул: "Намерения правителей противоречат нашим"; /затем/ велел, чтобы сановники вместе с Гао Хоу дали клятву /верности Цзинь/, но Гао Хоу тайком вернулся /в Ци/. Из-за этого Шу-сунь Бао, цзиньский Сюнь Янь, сунский Сян Сюй, вэйский Нин Чжи, чжэнский Гун-сунь Чай и сановник из малого Чжу дали клятву: "Совместно накажем /те владения/, которые не прибыли к /цзиньскому/ двору". Правитель владения Сюй попросил у Цзинь разрешения перенести /столицу/ и тогда правители разных царств /разрешили/ перенести сюйскую /столицу/, но сюйские сановники не дали согласия. Цзиньцы отпустили съехавшихся к ним правителей, но чжэнский

Цзыцзяо, прослышав, что они собираются напасть на Сюй, вместе с чжэнским правителем, последовал за армией, собранной правителями. Му Шу последовал за /луским/ гуном, а Ци-цзы во главе армии соединился с цзиньским Сюнь Янем. Лето, шестой месяц. Стали лагерем в Юйлине, в день гэнсинь напали на Сюй, стали лагерем в Ханьши. Сюнь Янь и Луань Янь повели свою армию против Чу, чтобы отплатить за нападение /чусцев/ на сунский Янлан, чуский Гунцзы Гэ со своей армией вступил в битву с цзиньской армией в Чжаньбане, чуская армия потерпела поражение, а цзиньская вторглась в /область/ за квадратной стеной, а затем вновь напала на Сюй и вернулась обратно.

В цитате из луской хроники намного шире, чем в "Чуньцю", круг записей, характеризующих события; в совокупности последних устанавливаются взаимные внутренние связи, появляются устойчивые обороты, с помощью которых зафиксирована соотнесенность данного события к предшествующему и последующему.

Очевидно, ко времени составления "Чуньцю" древнекитайские историографы обладали достаточно развитыми средствами описания событий. Что же касается неполноты и бессвязности исторического повествования в рассматриваемом памятнике, то создается впечатление, что оно было результатом искусственного отбора отдельных записей и удаления всех материалов, составлявших их прагматический контекст. В некоторых случаях последний, как нам кажется, сохранился среди текстов, собранных в "Цзо чжуань". Например, среди исторических рассказов, относящихся к 6 году правления луского Чжао-гуна:

"Чуньцю"	6 год Чжао-гуна	"Цзо чжуань"
Циский хоу выступил в поход против Северного Янь.	Одиннадцатый месяц. Циский хоу отправился в Цзинь, прося разрешения напасть на Северное Янь. Ши Гай вместе с Ши Яном вышли ему навстречу к /Хуан/хэ. Это в соответствии с порядком. Цзиньский хоу разрешил. Двенадцатый месяц. Циский хоу выступил в поход против Северного Янь, намереваясь вернуть власть Цзянь-гуну.	
Лето. Цзиньцы задержали вэйского гонца по имени Ши Май.	18 год Сян-гуна Лето. Цзиньцы задержали вэйского гонца по имени Ши Май в Чанзы, задержали Сунь Куая в Чуньлю, все из-за /вторжения/ в Цао.	

Дошедшие до нас в составе "Цзо Чжуань" два кратких повествовательных эпизода явно послужили источником двух записей в "Чуньцю". Из летописного текста, сохранившегося в "Цзо чжуань" в рубрике "19 год правления /луского/ Сян-гуна": "Местные владельцы, вернувшись с верховьев реки И, заключили соглашение в Дуяне: "Сильные пусть не вторгаются /во владе-

ния/ малых". Схватили Дао-гуна из Чжу за то, что он пошел войной на нас. Затем стали лагерем в верховьях реки Сы, установили границу наших земель, отобрали у Чжу земли, начиная от реки Гошуй, и отдали их нам" – были заимствованы следующие записи в синхронной погодной статье "Чуньцю": 2-я запись "Люди из Цзинь схватили правителя /владения/ Чжу"; 4-я запись "Отобрали у Чжу земли, начиная от реки Гошуй". Вырванные из рассказа луского хрониста и разделенные известиями о совершенно иных событиях, они утратили логическую связь.

Очевидно, лаконизм записей "Чуньцю" носит искусственный характер. Устранение контекста привело к крайнему сужению их историографической функции. Такого рода наблюдения заставляют сделать вывод, что составители "Чуньцю" намеренно отказывались воспроизводить в полном объеме современные им достижения древнекитайской историографии, что они не ставили себе целью, воссоздание образов тех или иных событий. Более того, в погодных статьях "Чуньцю" есть записи, информативное содержание которых сведено к минимуму, из которых вообще исчезло упоминание о событии, а осталось лишь времясчислительная формула: "Весна, первый месяц вана", "Лето, четвертый месяц", "Осень, седьмой месяц", "Зима, десятый месяц". Таких записей в тексте памятника более шестидесяти. Неинформативность "Чуньцю" проявляется и в том, что репертуар записей, касающихся внутренней и внешней истории царства Лу, крайне скуден. Очень многие из числа событий, имевших к ней прямое отношение, о которых мы знаем по другим источникам, не попали на страницы памятника. К их числу относятся, например, неурожай и голод, поразившие, по сведениям, приведенным в "Цзо чжуань" и в "Го юй", царство Лу в 634 г. до н.э. (16, 197, 54, 9).

Таким образом, сохранившийся до настоящего времени текст "Чуньцю" производит впечатление не хроники, а скорее построенного по хронологическому принципу сборника тем, нуждавшихся в дальнейшей историографической разработке. Неполнота, бессвязность составляющих памятник предельно кратких сообщений наводит на мысль, что авторы вряд ли рассчитывали на его распространение в качестве отдельного самостоятельного сочинения. Причины создания подобного текста скрыты, на наш взгляд, в тех процессах, которые происходили в древнекитайской исторической прозе на протяжении УШ–Ш вв. до н.э. В начале периода Восточного Чжоу здесь господствовали интересы и принципы официального летописания, выражавшиеся в стремлении историографов записывать все, что должно было, по тогдашним представлениям, содержать пример и поучение для последующих поколений. Славой пользовались историографы, сделавшие запись вопреки собственным интересам и даже с опасностью для жизни (16, 510–511). Об одном из них сказано: "Его правило работы над текстом состояло в том, чтобы ничего не утаивать" (16, 288). К началу периода Чжаньго положение значительно меняется. Интересы составителей исторических текстов, среди которых появляется все больше и больше людей, не связанных с официальным летописанием, постепенно концентрируются не столько вокруг фактического содержания событий, сколько вокруг проблемы их смысла, той или иной их направленности. В это время окончательно кристаллизуется и становится господствующей концепция мира как некоего органического целого, включающего природу, социум, человека, весь космос, где гарантом гармонии и согласия между различными элементами и уровнями космической организации выступает верховный правитель – ван, наделенный "благой силой" – дэ (德). С позиций этой концепции и в ее терминах позднечжоуские историографы давали оценки различным событиям и устанавливали логические связи между ними. Начитанность в исторических текстах, особенно в сочинениях типа чуньцю (примеч. 2) выступает в памятниках того времени свидетельством хорошего усвоения этико-политической доктрины: "/Цзиньский Дао-/гун спросил: "В чем проявляется

благая сила – да /правителя/ и сообразность /его поступков космическому порядку/?” Собеседник ответил: “Если все, что делают местные владетели, ежедневно пребывающие рядом с правителем, сводится к осуществлению добра и к уклонению от зла, то можно говорить о благой силе и сообразности /правителя/”. Гун спросил, кто может /вести себя так/. Собеседник ответил: “Ян-шэ Си, который начитан в чуньцю” (9, 160). Свидетельством перемещения интереса с описания событий на их оценку служит то, что в период Чжаньго появляются исторические сочинения типа чуньцю, построенные по тематическому принципу, в которых исторический материал был организован вокруг серии авторских суждений о нем.

К их числу относится утраченное сочинение Юй Цина, с содержанием которого мы знакомы по библиографическому описанию Сыма Цяня: “Сперва /автор/ остановился на периоде Чуньцю, затем рассмотрел нынешний век. /Разделы/ озаглавлены: “Мера и соразмерность”, “Название и обозначение”, “Соображения и догадки”, “Политика и замыслы”. Всего восемь связок, /написанных/, чтобы нападать и насмехаться над удачами и ошибками /разных/ царств. Из поколения в поколение передается по названию “Юй ши чуньцю” (虞氏春秋).

В этих условиях древнекитайские историографы вырабатывают различные приемы введения авторских суждений в текст повествования. Весьма распространенным был прием оформления суждений историографа в виде мнения некоего цзюнь-цзы (君子) (т.е. букв. “сына правителя”). Среди книжников – знатоков доктрины под цзюнь-цзы подразумевали тогда избранника Неба, наделенного способностью проникать в суть вещей и вследствие этого поставленного в один ряд с аристократами по рождению. Многочисленные ссылки на мнение цзюнь-цзы имеются в дошедшем до нас тексте “Янь-цзы чуньцю”, в “Го юй”, в “Синь сюй”, сборнике исторической прозы периода Чжаньго и т.д. Весьма распространенным становится и такой прием прославления или порицания действий правителей, как оценка их с точки зрения соответствия или несоответствия ли (禮) “порядку”, самому общему принципу, лежавшему в основе всех норм социальной практики и имевшему космологический смысл (4, 326; 3, 30–31). Естественно, что в связи с появлением новых тенденций в древнекитайской историографии в среде книжников должна была родиться мысль о необходимости встречи и слияния традиционной летописной линии, для которой была характерна точность хронологических данных, с интерпретаторско-комментаторской линией. Дошедший до нас текст “Чуньцю”, имитирующий летопись царства Лу, и стал основой сочинения, соединившего обе линии. Выбор объекта имитации не был случайным. Царство Лу считалось областью, где тщательно соблюдались ритуалы, связанные с чжоуской религиозно-политической доктриной. Здесь некогда жил Кун-цзы, мыслитель, которому традиция приписывает систематизацию текстов доктрины и составление “Чуньцю”.

Высказанные выше соображения о характере содержания “Чуньцю” подтверждаются результатами параллельного анализа этой псевдохроники и “Цзо чжуань” (примеч. 3). Анализ раскрывает механизм восполнения неинформативности “Чуньцю”, осуществлявшегося, в частности, с помощью повторения в “Цзо чжуань” рассказа о каком-либо событии, но уже на более высоком историографическом уровне, отражавшем характерные черты науки периода Чжаньго:

Второй год Чэн-гуна

“Чуньшо”

“Цзо чжуань”

Одиннадцатый месяц.
/Луский/ правитель
16–3 273

Одиннадцатый месяц. /Луский/ правитель и Ин-пи,
царевич из Чу, правители из Цай и Сюй, Юе, са-

устроил встречу с Ин-ци, чуским царевичем в Шу. В день бин-шэнь /луский/ правитель заключил с чусцами, циньцами, сунцами, чэнцами, вэйцами, чжэнцами, цисцами, цаосцами, чжусцами, сесцами, цзэнцами соглашение в Шу.

новник левой стороны из Цинь, сунский Хуа Юэчъ, чэньский Гунсунь Нин, вэйский Сунь Лян-фу, Цюй-ци, царевич из Чжэн, а также циский сановник заключили соглашение в Шу. /Имена/ сановников /разных царств/ не упомянуты в тексте /"Чунь-цю"/, ввиду неполноты этого соглашения. Тогда /все/ опасались /царства/ Цзинь и тайком заключили соглашение с /царством/ Чу, поэтому и сказано: "неполное соглашение". Имена правителей Цай и Сюй не упомянуты в тексте /"Чуньцю"/ из-за того, что они ездили на чуских колесницах. Это означает, что они утратили положение. Цзюнь-цзы сказал: "К /своему/ положению следует относиться с осторожностью. Правители Цай и Сюй однажды утратили свое положение и их перестали включать в число местных владетелей. Тем более /это опасно/ для людей, стоящих ниже их! В "Одах" сказано: "Тот, кто не обращает внимания на свое положение, закрывает народу /путь/ к успокоению". Речь идет об этом.

Отсутствие в тексте-основе тех или иных сведений служило составителям параллельного повествования поводом для введения в него собственных оценок как событий, так и принимавших в них участие государственных деятелей. В результате краткие записи "Чуньцю" и иллюстрировавшие их рассказы превращались в композиционно взаимосвязанное целое. Связь между текстом-основой и рассказом могла быть более примитивной. В ряде случаев в качестве текста-основы просто использовали первую фразу "комментария":

23 год Чжуан-гуна

"Чуньцю"

"Цзо чжуань"

/Луский/ правитель отправился в /царство/ Ци, чтобы осмотреть алтарь земли.

/Луский/ правитель отправился в /царство/ Ци, чтобы осмотреть алтарь земли. Это противоречит порядку. Цзо Гуй, порицая его, сказал: "Нельзя /этого делать/. Ведь порядок /необходим/, чтобы уравнивать народ. Поэтому устраивают съезды правителей, чтобы наставлять их относительно образцов для высших и низших, устанавливать пределы /для даней/ товарами и утварью. /Велят правителям/ приезжать ко двору, чтобы упорядочить соразмерность рангов и титулов, последовательность старших и младших. /Устраивают/ карательные походы, чтобы наказать неправых. У местных владетелей есть обязанности перед ваном, когда ван инспектирует оборону /подвластных земель/, то /местные владетели/ в большинстве участвуют в его делах. В иных случаях они не выезжают из своих владений. Если они нарушают запрет, то это должно быть записано. Если будет записано, что /твое поведение/ не соответствует образу, то как твоим потомкам смотреть на это?"

Продолжением лапидарной записи "Чуньцю" в параллельном тексте мог быть не исторический рассказ, а разъяснение составителя, почему в тексте-основе сделаны те или иные пропуски. Есть весьма характерный случай, когда такое разъяснение переходит в общую апологетическую характеристику стиля "Чуньцю".

Девятый месяц. Цяо-жу прибыл из /царства/ Ци с женой /луского правителя/ из рода Цзян. Опушено /упоминание/ его кланового имени, чтобы подчеркнуть уважительное отношение к жене правителя. Поэтому цзюнь-цзы говорит: "Обозначения, употребляемые в "Чуньцю", предельно ясны, ведут к постижению непонятого, упорядочены до совершенства, полны, но без чрезмерности, они порицают зло и защищают добро. Кто кроме совершенномудрого мог бы создать их такими?"

Девятый месяц Цяо-жу прибыл из /царства/ Ци с женой /луского правителя/ из рода Цзян. Опушено /упоминание/ его кланового имени, чтобы подчеркнуть уважительное отношение к жене правителя. Поэтому цзюнь-цзы говорит: "Обозначения, употребляемые в "Чуньцю", предельно ясны, ведут к постижению непонятого, упорядочены до совершенства, полны, но без чрезмерности, они порицают зло и защищают добро. Кто кроме совершенномудрого мог бы создать их такими?"

Таким образом, внутри этих двух сочинений открываются комплексы параллельных текстов, взаимосвязанных и по содержанию, и структурно, входящих в ряде случаев к одному общему источнику.

Следует упомянуть сообщения памятников периода Чжаньго и начала Хань, что распространенный тогда вариант "Чуньцю" мог включать кроме имитирующей хронику-основу и восполняющие ее исторические материалы. Так, один из эпизодов "Чжань го цз", обращаясь к истории аннексии малых владений Хао и Юй, ссылается на "Чуньцю": "Поход на Хао был началом гибели Юй. Потому-то в "Чуньцю" сделана запись об этом, чтобы возложить вину на правителя Юй". (18, XXIV, 16). Сейчас подробный исторический рассказ об аннексии царством Цзинь владений Хао и Юй, приведенный в "Цзо чжуань" (XV год Си-гуна), заканчивается следующими соображениями историка: "Потому-то в тексте /"Чуньцю"/ сказано: "Цзиньцы схватили правителя Юй". Вина здесь возложена на Юй, к тому же указано на легкость, /с которой Цзинь расправилось с Юй/" (16, 144). Интерпретаторская концовка рассказа, несомненно, отражена в цитате. Следовательно, упомянутое в ней сочинение содержало этот рассказ. Введенные в текст трактата "Хань Фэй-цзы" эпизоды убийства чуского и циского правителей (16, 574, 510) также были заимствованы, судя по утверждению его составителей, из "Чуньцю" (14, 251). На этот же источник несколько раз ссылается Сыма Цянь (12, 1475). Во всех упомянутых случаях речь идет об исторических рассказах и утверждениях, представленных ныне в "Цзо чжуань". Итак, вопреки ожиданиям, оказывается, что доциньская версия (или версии) "Чуньцю" включала не только погодные перечни событий (примеч. 4), но и ранние памятники внелетописного повествования, имевшие форму исторических рассказов. Значит, в период Чжаньго уже существовало сочинение (или несколько сочинений с одним и тем же названием), объединявшее летописную и повествовательную формы описания событий прошлого. Трудно судить по нескольким цитатам, насколько его (или их) содержание соответствовало содержанию современных версий "Чуньцю" и "Цзо чжуань", однако очевидно, что материалы, представленные сейчас в каждом из этих двух памятников, не были разделены в нем (или в них) территориально и составляли единое целое. Сделанные нами наблюдения заставляют усомниться в справедливости слов Имбера, что "сходство между ними (т.е. "Чуньцю" и "Цзо чжуань") только внешнее" (7, 6). Оба эти памятника были созданы одновременно, в атмосфере того этапа развития древнекитайской историографии, когда господствующим становится причинное объяснение событий. Их составители использовали одни и те же источники: как сочинения, основанные на принципе погодного перечня событий, так и своды исторических рассказов, в которых то или иное событие могло быть изложено в нес-

кольных вариантах. В начальный период истории текстов "Чуньцю" и "Цзо чжуань" их нерасчлененность, по-видимому, представлялась самоочевидной. Нет никаких указаний на то, что второй текст рассматривали тогда как нечто вторичное и внешнее по отношению к первому. Библиографические сведения, представленные в труде Сыма Цяня, впервые дают повод для постановки вопроса о возможности их самостоятельного бытия и о текстовых взаимоотношениях между ними. Сыма Цянь повторил версию о связи псевдохроники с именем Кун-цзы и первым высказал убеждение, что авторство восполняющего ее текста принадлежало Цзо Цюмину. "Потому-то Кун-цзы постиг путь вана, он добивался /аудиенции/ у семидесяти с лишним государей, но не смог получить применения /своим знаниям/. Поэтому на задаче он обследовал чжоуские архивы и рассмотрел известия о прежних событиях, содержащиеся в записях историографов; начав с /известий/ о царстве Лу, он расположил их по порядку в "Чуньцю" ..., сделал более сжатым повествовательный стиль, устранил повторы, чтобы утвердить сообразность и образцы, очистить путь вана и усовершенствовать дела людей. Семьдесят последователей /Кун-цзы/ изустно передавали его наставления из-за того, что среди них встречались высказывания, содержавшие насмешки, похвалы и умолчания, указания на недостатки, которые невозможно было внести в книгу. Благородный муж из царства Лу по имени Цзо Цю-мин испугался, что все ученики /Кун-цзы/ впадут в разные крайности, каждый в соответствии со своими взглядами, и утратят истинный смысл его /учения/. Поэтому, взяв за основу собранные Кунцзы записи историографов, он подробно рассмотрел его утверждения и создал "Цзо-ши чуньцю" 左氏春秋 ("Чуньцю, составленное представителем клана Цзо"). Из содержания приведенной цитаты следует, что во времена Сыма Цяня в сочинении Цзо Цюмина, которое современные исследователи считают идентичным "Цзо чжуань", видели не комментарий к "Чуньцю", а скорее пересмотренную, восполненную и расширенную версию этого памятника. Комментарием — чжуань (傳) данное сочинение впервые названо в литературно-библиографическом обозрении, составленном Бань Гу (32–92 гг.). Превращение "Цзо ши чуньцю" в "Цзо чжуань" произошло, очевидно, после появления западно-ханьских комментариев "Гуньян чжуань" (公羊傳) и ("Гулянь чжуань"), 穀梁傳, составители которых пытались толковать содержание псевдохроники с позиций канонизированного школой Дун Чжун-шу конфуцианства. Вовлечение "Цзо чжуань" в круг текстов формирующегося ханьского конфуцианства, превращение его в элемент связанной с "Чуньцю" ханьской комментаторской триады дали повод китайским филологам нового времени утверждать, что этот памятник был сфабрикован автором ханьского времени, преследовавшим определенные политические цели. Лю Фэнлу (1774–1829) первым выдвинул тезис о причастности Лю Синя (ум. в 23 г. н.э.) к составлению современного текста "Цзо чжуань". Дальнейшее развитие этот тезис получил в трудах Кан Ювэя, идеолога реформаторского движения конца XIX в. По мнению последнего, современный текст рассматриваемого памятника был целиком сфабрикован Лю Синем, который в серии подделок доиньских текстов якобы стремился дать идейное обоснование экономическим и социальным нововведениям Ван Мана.

К числу исследователей, считавших ханьских ученых, в том числе Лю Синя, прямо причастными к созданию "Цзо чжуань", принадлежал и японский историк конфуцианства Цуда Сокичи. В монографии, посвященной анализу содержания ряда идеологических представлений в "Цзо чжуань", он утверждал, что последние сложились под влиянием воззрений ханьских конфуцианцев (17, 527–528). Концепция Лю Фэнлу–Кан Ювэя в XX в. не становилась объектом разносторонней и обстоятельной критики. В монографии Камада Сэй "Создание и эволюция текста "Цзо чжуань" (11) несосто-

тельность этой концепции раскрыта в ряде специальных глав (с. 17-101 и с. 102-262). Особенно очевиден искусственный характер построений сторонников ханьского происхождения "Цзо чжуань" на примере традиционных позднечжоуских историографических формул, которые, по их мнению, были подделаны Лю Синем. Таковы, например, исторические обобщения, приписываемые анонимному цзюнь-цзы и вводимые в текст словами: "цзюнь-цзы сказал...", "цзюнь-цзы полагает, что...", которые в "Цзо чжуань" встречаются 84 раза. Они многократно были использованы в труде Сыма Цяня, жившего задолго до Лю Синя, при пересказе соответствующих исторических эпизодов, заимствованных из рассматриваемого памятника (19, 61-67, 15, 116-119). Столь же очевидны свидетельства полной независимости суждений персонажей "Цзо чжуань" от концепций западноханьских конфуцианцев (11, 284-305). Так, ни одна из имеющихся в "Цзо чжуань" характеристик деятельности гегемона - ба, бывшего в период Чуньцю главою временных объединений правителей, не соответствует западноханьским представлениям о содержании этого политического термина. В рассматриваемом памятнике постоянно подчеркивается высокий идеологический статус вана и зависимое подчиненное положение гегемона (16, 111, 205), тогда как в конфуцианских текстах П-1 вв. до н.э. ба представлялся абстрактным политическим фактором, который в умозрительных политических схемах противостоял вану.

Аргументы исследователей, которые выступали против концепций, связывающих "Цзо чжуань" с деятельностью западноханьских конфуцианцев, не были в полной мере учтены Имбером. Он, по видимому, не склонен исключать участие Лю Синя в создании современного текста памятника. По его словам, /материал/ "Цзо чжуань" мог быть первоначально расположен совершенно не так, как в современной версии, а только потом расположение было изменено, но без особого вреда для самого текста, лицом, ответственным за его соединение с "Чуньцю" - и опять подозрение падает на Лю Синя" (7, 10). Из данного утверждения следует, что содержание рассматриваемого памятника было привязано к хронологии царства Лу только в эпоху Хань и ответственность за это может быть возложена на Лю Синя. Каких-либо доказательств весьма позднего происхождения такой структуры "Цзо чжуань" книга Имбера не содержит. Приведенные выше свидетельства изначальной взаимосвязи псевдохроники и восполняющих ее исторических текстов ставят под сомнение правомерность этого тезиса. Такое сомнение становится более основательным в свете указаний источников, что структура, присущая современному тексту "Цзо чжуань", сложилась уже в доциньское время. Так, среди книг, найденных в 80-е годы III в. н.э. в ходе грабительских раскопок гробниц вэйского Сян-вана (ум. в 296 г. до н.э.) было обнаружено сочинение "Шичунь" (師春), которое содержало серию гадательных записей, относящихся к периоду Чуньцю. Текст его не сохранился.

По словам современников находки, все гадательные записи были заимствованы из "Цзо чжуань", более того, они сохраняли порядок расположения, присущий этому памятнику (8, 72). Следовательно, не позже конца I в. до н.э. уже существовало сочинение, которое не только содержало основную массу исторических материалов, вошедших в ханьское время в состав "комментария", но и обладало аналогичной структурно-композиционной организацией и хронологической канвой. Это не значит, впрочем, что оно сразу же целиком и полностью приобрело тот вид, в каком дошло до наших дней. Процесс сложения современного текста "Цзо чжуань" был длительным, он продолжался, по-видимому, и после того, как завершилось соединение исторического материала с псевдохроникой. Подтверждением служит наличие в этом тексте значительного числа исторических эпизодов, не имеющих прямых параллелей в лапидарных записях "Чуньцю". Только среди исторических матер

риалов, отнесенных в "Цзо чжуань" к одиннадцатилетнему периоду правления луского Инь-гуна, начинающего хронологию памятника, к числу таковых принадлежит 29 эпизодов (на 66 эпизодов, связанных с "Чуньцю").

Утверждение Имбера, что повествовательный материал "Цзо чжуань" первоначально был организован по-иному, может стать ближе к истине, по-видимому, только в том случае, если отнести его не к раннеханьскому архетипу, а к доциньским источникам памятника. Здесь мы касаемся совершенно не исследованной проблемы "генеалогии" "Цзо чжуань". Выше уже были приведены примеры использования составителями этого сочинения многочисленных заимствований из летописей. Поскольку хронологическое членение материала было структурным принципом такого рода текстов, они легко укладывались в рамки погодного изложения. Однако в "Цзо чжуань" мы сталкиваемся с текстами, хранящими следы насильственного дробления на отдельные разновременные эпизоды. Содержание их указывает на бытовую принадлежность к некоему сюжетным целым, в которых историческое повествование основывалось не только на хронологической последовательности событий, но и группировалось вокруг какой-либо темы или личности. Таков подробный рассказ о взаимоотношениях между царствами Цинь и Цзинь после воцарения в последнем Хуэй-гуна (650 г. до н.э.). Рассказ очень велик. Он состоит из 1120 иероглифов и в несколько раз превосходит обычные повествовательные эпизоды средней величины. Рассказ начинается с описания того, как при содействии циньцев Хуэй-гун занял престол, как циньцы помогли ему во время голода в Цзинь, как он вероломством заплатил за добро своим недавним покровителям. Затем рассказчик переходит к описанию военного конфликта между Цинь и Цзинь, возникшего в 645 г. до н.э., как он полагает, по вине Хуэй-гуна. Особенно детально и красочно описано сражение двух армий в местности Хань, поражение циньцев, пленение Хуэй-гуна и его пребывание в Цинь. Композиционное своеобразие рассказа, которое отчетливо выделяет его среди обычных летописных рассказов, состоит в двуплановости повествования, поочередно выдвигающего на авансцену то один, то другой враждующий лагерь. Особую роль в системе разворачивания фабулы играют здесь толкования гаданий, предзнаменования и предсказания, указывающие, в каком направлении должны развиваться события. Само поражение и плен циньского правителя представлены в рассказе как "реализация странного видения в Цзинь". Эпизод с "видением" также сохранился, но составители "Цзо чжуань" поместили его среди исторических материалов, отнесенных ими к 10 году правления луского Си-гуна (650 г. до н.э.). Героем эпизода выступает Ху Ту, бывший приближенный циньского наследника. Когда Ху Ту прибыл в столицу царства Цзинь, ему явился дух давно умершего циньского царевича, старшего брата Хуэй-гуна, и предсказал последнему поражение: "Божество согласно, чтобы я покарал того, кто виновен, он потерпит поражение в Хань". Упоминание видения в рассказе и ханьской битвы в предсказании, а также антициньский тон эпизода, делают очевидным их первоначальноную принадлежность к единому повествовательному ряду, скрепленному общностью темы.

К этому же повествовательному ряду несомненно принадлежал также большой рассказ об освобождении Хуэй-гуна из плена и его возвращение на родину. Содержащиеся в нем датировки оказались в противоречии с хронологией "Чуньцю". Составители псевдохроники считали, что сражение в Хань произошло в 11-м месяце, а авторы рассказа уже 10-м месяцем датировали начало переговоров об условиях мира, а 11-м — освобождение Хуэй-гуна из плена. Расхождения возникли, по-видимому, из-за того, что те и другие руководствовались различными календарями. В результате, события этого рассказа попали в число фактов, не укладывающихся в рамки погодного по-

вестования, основанного на хронологии "Чуньцю". Составителям "Цзо чжуань" не оставалось ничего другого, как, искусственно отторгнув этот рассказ от предыдущего, выделить его в самостоятельный эпизод, не имеющий параллелей в псевдохронике.

Таким образом, вырисовываются контуры некогда единой исторической "повести", скрепленной первоначально сквозной темой. Ее форме, по-видимому, была присуща непрерывность изложения, не связанного узкими хронологическими рамками, что давало возможность охватить то или иное событие или цепь связанных событий в целом. Такие ранние памятники внелетописного исторического повествования могли, очевидно, распространяться как отдельные самостоятельные тексты. Однако они могли также объединяться в сборники-своды с различной структурой. С такой, например, которая строилась не на хронологическом чередовании событий, а на распределении материала "по царствам", в соответствии с политической географией периода Чуньцю. Аналогичные сочинения были распространены в доциньское время. "Биография Шу Си", одного из первых читателей библиотеки, найденной в гробнице вэйского вана, упоминает среди других извлеченных из земли книг на бамбуковых планках сочинение под названием "Го юй". Оно вскоре было утрачено. Из записи в "Цзинь шу" мы узнаем, что это сочинение "состояло из трех связок, рассказывало о событиях /из истории царств/ Чу и Цзинь". До наших дней дошел памятник исторической прозы с идентичным названием, также посвященный событиям периода Чуньцю. Упомянутый доциньский текст входил, по-видимому, в число его источников.

Темой большинства эпизодов современной версии "Го юй" является отдельное историческое событие, а содержание представляет обычно почти чистый нравоучительный диалог, где только в начале или в конце дана краткая повествовательная информация, с помощью которой собеседники вводятся в определенную ситуацию. На протяжении последних десятилетий появилось несколько исследований, авторы которых выделили подобные дидактические тексты в особый жанр древнекитайской исторической прозы. Ими было высказано также предположение, что иероглиф юй (語), когда его связывали с такого рода текстами, выступал в качестве технического номенклатурного термина (10, 6; 13, 34). Появившиеся в позднечжоуское время сборники внелетописных дидактических рассказов, были использованы не только составителями "Го юй", но и составителями "Цзо чжуань". На это указывает наличие в обоих памятниках большого числа сходных по содержанию диалогов и речей. Имбер, уделивший в своей книге много внимания выяснению характера текстовых взаимосвязей между "Цзо чжуань" и "Го юй", а также вопросу о возможности генетических взаимоотношений между ними, пришел к выводу: "Ясно, что кроме того мы должны признать в "Го юй" раннее произведение, имеющее тесные отношения с "Цзо чжуань", но в то же время совершенно независимое от него. Их источники, очевидно, были во многих случаях идентичными..." (7, 343). Вывод, что "Цзо чжуань" и "Го юй" — два самостоятельных памятника древнекитайской историографии, текстовые сходения между которыми объясняются общностью источников, подкрепляется целым рядом предыдущих исследований, выполненных другими авторами, и кажется бесспорным. В то же время, предположение Имбера, что составители как первого, так и второго памятника могли заимствовать сходные истории из устной традиции, не находит подтверждения. Тексты аналогичных по содержанию эпизодов в "Цзо чжуань" и в "Го юй", как правило, никогда не совпадают полностью. Обычны расхождения в композиции речей, в отборе и распределении деталей аргументации. Известны случаи, когда составители этих памятников приписывают одну и ту же речь разным лицам. Например, речь о том, какие дары соответствуют ритуалу первой аудиенции у правителя:

Осенью, когда Ай Цзян прибыла, правитель распорядился, чтобы в качестве встречных подношений, предназначенных супруге сановника той же фамилии, были выставлены шелка, что было против правил. Юйсунь сказал: "Самые важные дары, употребляемые при встрече мужчин, состоят из яшмы и шелка, а менее значительные – из птиц и животных, каждая вещь в соответствии с рангом /прибывшего/. Дары для женщин – только орехи, плоды жужуба и вяленое мясо, предназначены, чтобы выразить почтение. Ныне дары для мужчин и женщин – одинаковы, значит различия между ними устранены. А различия между мужчинами и женщинами – важнейшее установление в государстве; недопустимо, когда его нарушают из-за жены правителя.

Когда Ай Цзян прибыла, правитель распорядился, чтобы в качестве встречных подношений, предназначенных супруге сановника той же фамилии, были выставлены шелка. Распорядитель церемоний Сяфу Чжань сказал: "Это не соответствует обычаю". Правитель сказал: "Государь творит обычай". Собеседник ответил: "Если поступки государя разумны, то они обратятся в обычай. В противном случае только лишь делают запись о его неразумии. Я следую своему служебному долгу. Боюсь, что запись о неразумии дойдет до потомков, поэтому не смею не уведомить /о том/. Ведь дары для женщин – только плоды жужуба и каштана, предназначенные, чтобы выразить почтение. Мужчинам положены яшма, шелка, животные и птицы, каждая вещь в соответствии с рангом. Ныне жене вручен шелк, значит устранены различия между мужчиной и женщиной. Различия между мужчиной и женщиной – важнейшее установление в государстве, без него нельзя обойтись."

Расхождения между этими двумя текстами таковы, что ни один из них не мог послужить основой для другого. Однако нельзя не заметить единства фразеологических оборотов, совпадения образных средств, выражающих одну и ту же мысль. Это можно объяснить только тем, что составители обоих памятников имели перед собой сходный писанный текст. На книжный характер источников "Го юй" указывает и то, что для конкретизации и "оживления" представленных в этом памятнике речей использовались приемы, связанные с письменной стадией оформления текстов. Так, речь-разъяснение луского Шусунь Му-цзы о том, как на приеме в его честь послу надлежит реагировать на исполнение тех или иных музыкальных пьес, известна в краткой ("Цзо чжуань") и в пространной ("Го юй") версиях. Развертывание, конкретизация и уточнение речи луского посла в "Го юй" осуществлялись за счет введения в нее таких, чисто литературных деталей, как названия исполнявшихся произведений:

"Три пьесы дома Сы исполняются, когда Сын Неба устраивает угощение для главы местных правителей. Я их и слушать не смел. Ода Вэнь-вану звучит под музы-

"Сперва музыканты сыграли на бронзовых колоколах /пьесы/ Фань, Хэ и Цюй из раздела Сы Сы. Их исполняют, когда Сын Неба угощает главу местных правителей. /Последо-

ку, исполняемую при встрече двух государей. Я не смел показывать, что это меня касается".

варшее за ними/ пение од Вэнь-ван, Да-мин и Мянй сопровождалось музыкой, исполняемой при встрече двух государей. Во всех этих мелодиях проявляется благая сила, необходимая для взаимного расположения. Я их и слушать не смел".

Наличие свидетельств, что использованные как составителями "Цзо чжуань", так и составителями "Го юй" аналогичные исторические материалы носили книжный характер, дает основание подойти к решению вопроса о характере расхождений между ними, используя средства текстологического и историко-литературного анализа. Имбер видит главную причину расхождений в языке речей, входящих как в состав "Го юй", так и в состав "Цзо чжуань". Он считает его "в высшей степени стилизованным", включающим большое число устойчивых сочетаний, фразеологических оборотов. При использовании таких текстов составители обоих памятников могли, как полагает Имбер, свободно манипулировать подобными языковыми клише, при необходимости вводя или опуская их (7, 319). Это весьма важное наблюдение, хотя оно нуждается в дальнейшей разработке и некоторых дополнениях. Очевидно, иные причины лежат в основе хронологических расхождений, обнаруживаемых при сопоставлении параллельных сюжетных фрагментов, посвященных судьбам сыновей цзиньского Сянь-гуна (675-651). Так, в "Го юй" речь Ши Вэя, обращенная "к разным людям", была произнесена до похода наследника Шэнь-шэна на Хо, а в "Цзо чжуань" - после захвата этого владения. В текстах этого рода последовательность событий определялась необходимостью утверждения той или иной мысли автора.

Датировка упомянутой речи в "Го юй" связана с введением в ее текст следующей фразы: "Будь поход удачным, это пойдет во вред /наследнику/, будь он неудачным, этим воспользуются, чтобы обвинить его" (9, 96). Последняя, в свою очередь, связана с повествовательной концовкой эпизода: "Когда, одержав победу в Хо, /наследник/ вернулся, клевета на него еще более усилилась". В "Цзо чжуань" сходная по содержанию речь Ши Вэя имеет совершенно иную ориентацию и не содержит этой детали (подробнее об этом см. 1, 84-86).

Таким образом, опыт анализа расхождений между двумя памятниками указывает, что в основу их источников могли быть положены единые тексты, которые в результате усилий разных авторов подверглись многочисленным переделкам и неоднократному переосмыслению. И тот, и другой хранят следы многих утраченных сочинений, в которых одно и то же событие излагалось с различными подробностями, одна и та же речь была представлена в нескольких вариантах. Это было следствием зарождения и развития внелетописных форм исторического повествования, в котором авторская индивидуальность проявляется вполне отчетливо, заявляя о себе оценками тех или иных событий, попытками комментировать их, прямыми и косвенными характеристиками исторических деятелей.

Книга Имбера, использовавшего результаты исследований ученых разных стран, опубликованных на протяжении ряда предыдущих десятилетий, в известной мере подводит итоги определенному этапу изучения древнекитайской исторической литературы. В то же время ряд высказанных в ней соображений, в частности, о значении клишированных языковых форм для составления некоторых разновидностей чжоуских текстов, может послужить основой для новых исследований, связанных с комплексным анализом памятников древнекитайской историографии.

Примечания

1 Например, о таких тяжких преступлениях, как убийство правителя или покушение на жизнь родителей: 1. "В день моу-шэнь Чжоу-юй из Вэй убил своего государя по имени Вань" (1У-й год Инь-гуна). 2. "Зима, десятый месяц, день дин-вэй, Шан-чэнь, наследник из царства Чу убил своего отца Цзюня", (1-й год Вэнь-гуна).

2 Некоторые позднечжоуские авторы видели в термине чуньцю только название летописи царства Лу. Однако многочисленные свидетельства, рассеянные по страницам доциньских памятников, указывают, что его широко использовали и как общее обозначение исторического источника вообще, и как номенклатурный элемент названий неофициальных историй, содержавших тенденциозно переработанный материал по политическим легендам и преданиям (2, 19-20).

3 Значительная часть сохранившейся версии этого сочинения связана с темами, представленными также и в "Чуньцю", его исторический материал распределен по годам правления луских гунов. Начиная с эпохи Хань традиционная китайская библиография считала "Цзо чжуань" комментарием к "Чуньцю".

4 Наличие их в доциньской версии "Чуньцю" документировано цитатами из этого памятника, приведенными в трактате "Хань Фэй-цзы" (14, 540).

Источники и литература

1. К. В. Васильев. Планы Сражающихся царств. (Исследование и переводы). М., 1968.

2. К. В. Васильев. Из истории древнекитайских письменных памятников. — Страны и народы Востока. М., 1971.

3. К. В. Васильев. Место народа (минь) в системе древнекитайских представлений о мире. — Седьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1976.

4. P. A. Boodberg. The Semasiology of some primary confucian concepts. — «Philosophy East and West». Vol. II, 1953, N 4.

5. O. Franke. Das Problem des Tschun-ts'iu und Tung Tschungschu's Tschun-ts'iu fanlu. — Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Jahrg. XXI. Abt. 1. 1918.

6. G. A. Kennedy. Interpretation of the Ch'un-ch'iu. — «Journal of the American Oriental Society». Vol. 62, 1942, № 1.

7. Alan Imber. Kuo Yu. An Early Chinese Text and its Relationship with the Tso Chuan. University of Stockholm, 1975.

8. 衛聚賢. 古史研究 (Вэй Цзюй-сянь. Исследования по древней истории) 左傳的研究 (Исследования "Цзо чжуань"). 上海 1934.

9. 國語. 上海, 1958, 國學基本叢書.

10. 貝塚茂樹. 國語に現れた説語の形式 (О форме исторических рассказов в "Го юй") 東方學 т. ХIУ, 1957.

11. 鎌田正. 左傳の成立と其の展開 (Камада Сэй "Создание и эволюция текста "Цзо чжуань"). 東京, 1964.

12. 司馬遷. 史記, 北京, 1959, 中華書局.

13. 徐中舒. 左傳的作者及其成書年代 (Сюй Чжун-ш у. Об авторе "Цзо чжуань" и о времени его создания). 历史教学, 1962, № 11.

14. 韓非子集釋, 北京, 1958, 中華書局.

15. 金德建. 司馬遷所見書考, 上海, 1963

(Цзинь Дэ-цзянь. О книгах, виденных Сыма Цянем).

16. 左傳 в изд.: J. Legge. The Chinese Classics. Vol. V. The Ch'un Ts'ew, with the Tso Chuen. Hongkong, London, 1872.

17. 津田左右吉. 左傳の思想史的研究

(Цуда Социти. Исследования по истории идеологии, отразившейся в "Цзо чжуань").

東京, 1935.

18. 戰國策, 上海, 國學基本叢書.

19. 楊向奎, 論左傳之性質及其與國語之關係.

(О характере "Цзо чжуань" и о его связях с "Го юй"). 史學集刊 1936, № 2.